

М. Д. Чертыкова

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО СЧАСТЬЕ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ СИБИРИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ)

Статья посвящена выявлению и семантико-когнитивному описанию базовых лексем в тюркских языках Сибири, включённых в концептуальное пространство *счастье*. Выделенные рамки рассмотрения объекта исследования, именуемые как концептуальное пространство, мы понимаем как совокупность (или понятийное содержание) множества взаимосвязанных лингвокультурологических сущностей, представляющих собой определённую целостность в концептосфере языка и, в частности, в сознании языковой личности. Материалом для статьи послужили данные двуязычных словарей исследуемых языков, как понятийные составляющие концептуального пространства *счастье*. Выявлено, что большинство рассмотренных нами лексем, репрезентирующих концепт *счастье*, имеют монгольское происхождение: як.: *дьол* / тоф.: *чол* / сойот.: *чол*; тув.: *кежик*, *аас-кежик* / алт.: *кэжик* / шор.: *кешик*; хак.: *чыргал* / тоф.: *чыргал* / кирг.: *жыргал* / алт.: *жыргал* и др. Значимыми аспектами счастья являются успех / удача / везение, выражаемые также монгольскими заимствованиями: алт.: *мөр* / хак.: *мөрий*; благополучие, наслаждение: тув. *чыргал* / хак.: *чыргал*. Шорский, тофаларский и алтайский эквиваленты данной лексемы показывают семантическое изменение в сторону понятий «обилие пищи», «веселье», «пир», «угощение». Межъязыковые эквиваленты лексики анализируются с точки зрения этимологической трансформации семантики и выявляются их универсальные и отличительные фрагменты. Часто отсутствие *счастья* или *удачи* (тув.: *аас-кежик чок* «несчастливый»; хак.: *талаан чох* / *часка чох* «несчастливый»; алт.: *ырыс жок* «несчастный») заметно сближается с понятием *судьбы* (*участи, доли*). Концептуальное пространство *счастье* в сибирских тюркских языках, как и в других разноструктурных языках, представляет собой сложное и многослойное образование, не имеющее чётких границ.

Ключевые слова: *сибирские тюркские языки, монгольское заимствование, словарная дефиниция, счастье, концептуальное пространство, лексема.*

Введение

В современной этнолингвистике одним из актуальных направлений является концептология — исследование концептов как ценностных культурных доминант в языковом воплощении. Безусловно, концепт есть многомерное и сложное ментальное образование, отмеченное этнокультурной спецификой. Хотя на определение концепта у исследователей нет однозначного мнения, но приоритетным «измерением» данного понятия является описание словесных, ментальных, этнокультурных и образных составляющих коллективного этнического сознания. Структура концепта как представления о фрагменте окружающего мира формируется из общенациональных и индивидуальных компонентов — «образа, понятия и символа, где образ представляет психологическую основу знака, понятие отражает логические функции сознания, а символ — общекультурный компонент словесного знака» (Колесов, 2002: 42).

Один из ключевых концептов на материале разноструктурных языков — *счастье* — привлекает внимание исследователей в разных областях науки — психологии, философии, литературоведении и т. д. В лингвистике многие исследования выполнены на материале русского языка, например, монография С. Г. Воркачёва «Счастье как лингвокультурный концепт», посвящённая раскрытию способов выражения фелицитарной идеи в русском языке. Автор исследует понятийную, метафорически-образную и значимостную составляющие семантики концепта «счастье», описывает функционирование его семантического дублета «блаженство» в религиозном и поэтическом дискурсах, а также анализирует его паралин-

гвистические и социолингвистические свойства (Воркачёв, 2004). Ключевые в русской лингвокультуре концепты *счастье* и *наслаждение* и приближенные к ним по смыслу лексические единицы *радость* и *удовольствие*, а также их межъязыковые соответствия, репрезентирующие понятие счастья, получили подробное и добротное описание в статье Анны А. Зализняк «Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира» (Зализняк, 2005). Также на материале разноструктурных языков проводились сравнительно-сопоставительные исследования с целью выявления универсальных и специфичных компонентов данного концепта (Бакирова, 2011; Ципинова, 2008; Сулейманова, 2010 и др.). Часто вопросы, касающиеся *счастья*, рассматриваются в рамках паремий, фольклорных и художественных произведений для выявления мировоззренческих, духовно-психологических, моральных и утилитарных ценностей (Русаков, 2000; Русакова, 2007; Карпова, 2015 и др.). Лексико-семантические и когнитивные соприкосновения в структуре концепта *счастье* таких понятий, как *удача*, *успех*, *судьба*, а также способы их реализации в тексте обсуждаются в работах Е. А. Цыпанова (Цыпанов, 2012); Г. И. Урбанович (Урбанович, 2007); В. Н. Соловар (Соловар, 2016), А. Д. Каксина (Каксин, 2020) и др. В сибирских тюркских языках по данной тематике, по нашим сведениям, пока имеются только две работы: одна из них выполнена на материале хакасского языка (Чертыкова, 2018). Проведённый семантико-когнитивный анализ концепта *часка* 'счастье' в хакасской языковой картине мира позволил автору сделать вывод о том, что в смысловом содержании данного концепта пересекаются такие жизненно важные категории как *судьба*, *везение*, *удача*, которые отражаются в его семантическом и контекстуальном представлении. В целом идея счастья как источника фелицитарного блага в хакасском мировоззрении имеет как универсальные, так и национально-специфические черты (Чертыкова, 2018: 46). В кандидатской диссертации А. А. Скрябиной применён комплексный подход к исследованию якутских концептов *дьол* 'счастье' — *сор* 'несчастье', в результате чего описан лексико-семантический уровень репрезентации данных концептов, установлена этимология и история развития содержания соответствующих лексем, проведён ассоциативный эксперимент, определены образные признаки данных концептов (Скрябина, 2020). Стоит отметить, что в тюркских языках Сибири лингвокультурологические и когнитивные ресурсы ключевых концептов, в том числе и концепта *счастье*, очень богаты и многослойны, что открывает перспективы для новых исследовательских возможностей.

Цель статьи — выявление и описание базовых лексем-конкретизаторов в тюркских языках Сибири, включённых в концептуальное пространство *счастье*. Применяемый в исследовании семантико-когнитивный подход предполагает рассмотрение содержания языковых единиц во взаимосвязи с их когнитивной и лингвокультурологической интерпретацией. Выделенные рамки рассмотрения объекта исследования, именуемые как концептуальное пространство, мы понимаем как совокупность (или понятийное содержание) множества взаимосвязанных лингвокультурологических сущностей, представляющих собой определённую целостность в концептосфере языка и, в частности, в сознании языковой личности. Материалом для статьи послужили данные двуязычных словарей исследуемых языков, как понятийные составляющие концептуального пространства *счастье*. Лексическая система сибирских тюркских языков имеет немало неразгаданных, а оттого и интересных в лингвокультурологическом и когнитивном плане концептуальных полей. Считаем, что данная тематика имеет хороший лингвистический потенциал и перспективу для будущих исследований.

Деривационно-понятийная структура русского концепта счастье

Как известно, в народном сознании суждение о *счастье* как о небесном даре, об удачливости и везении (т. е. благоприятном стечении обстоятельств), об успешности жизненного пути присутствует с древнейших времён и характеризуется как три ипостаси данного концепта: образное, понятийное и ценностное. Большой толковый словарь русского языка

(БТСРЯ) даёт такое толкование слову *счастье* — «... состояние высшей удовлетворенности жизнью, чувство глубокого довольства и радости, испытываемое кем-л.; внешнее проявление этого чувства. Семейное с. Желаю счастья. С. народа. Стремление к счастью. С. созидания [...]; 2. Успех, удача. С. в игре в любви. Военное с. [...]; 3. Разг. участь, доля, судьба. Эта девушка — твоё с. Найти своё с. [...]; 4. В функции сказуемого. Хорошо, удачно. С. у кого есть дети. Какое с., что мы вместе! [...]; < К счастью; на счастье; по счастью; в знач. вводн. словосоч. Выражает удовлетворение по поводу чего-л. К счастью, дождь кончился [...]» (БТСРЯ, 2000: 1297). Как показывает словарная дефиниция, семантическая структура слова *счастье* в русском языке включает концептуальные пересечения таких категорий как «счастье», «удача», «судьба», «доля», «участь». Многослойность семантики общеславянской лексической единицы *счастье* (**sъcestьje*), исходящая от её когнитивного смыслового образования, связана «с древнеиндийскими корнями **su* — «хороший» + **cestь* — «часть», то есть «хороший удел» (ЭСРЯ-III, 1971: 816). По вопросу происхождения слова *счастье* с Максом Фасмером солидарен и Н. М. Шанский: «Счастье. Общеслав. Суф.- преф. Производное (с помощью приставки *съ-* в значении “хороший” (см. *сдоба*) и суф. (-*иј-*) от *часть* (через “юс” малый). Буквально — “хорошая часть, доля” См. *часть*» [<https://lexicography.online/etymology/shansky/c/счастье>]. Как видим, деривационно-понятийная структура слова *счастье* проявляется в его мутационной схематизации понятий «удача», «судьба», «доля», «участь». В человеческом подсознании эти понятия взаимосвязаны, т. к. в их основе лежит общность их расположения и соединение по линии жизни. Как пишет В. В. Колесов: «Счастье противоположно судьбе: счастье не судит, и оно не суждено. Счастье выпадает, его получают по случаю. Счастье, как определил его Даль в своём словаре, есть случайность, желанная неожиданность — талант, удача, успех» (Колесов, 2002: 100). Следует подчеркнуть, что подобная полиаспектность, широкая пересекаемость и/или взаимопроницаемость компонентов русского концепта *счастье* характерны и для других неродственных языков, например, для тюркских и финно-угорских (Цыпанов, 2012; Чертыкова, 2018 и др.). Сложная многогранная система концепта *счастье*, представляющая собой некое концептуальное пространство, и языковое воплощение его взаимодействующих компонентов отражаются в перцептивных возможностях языковой личности, поэтому заслуживают пристального внимания со стороны исследователей. Каждый фрагмент данного концептуального поля носителями языка осознаётся в контексте этнокультурных традиций и национального менталитета. В языковой репрезентации различные ипостаси *счастья* наполняются яркими ассоциативными образами, дополнительными понятийными признаками и коннотациями. Наиболее популярными из них в тюркском мировидении являются представления о *счастье*, как о блаженстве, успехе, удаче, даре и т. д. Тем самым *счастье* — есть многослойное ценностное образование, имеющее насыщенное образно-языковое выражение и окрашенное культурной спецификой.

Базовые выразители концепта счастье в тюркских языках Сибири

Соотнесение данного концепта с положительными состояниями (*судьба, участь, удача, везение, благополучие, благодать, доля* и т. д.) и эмоциями (*радость, веселье, блаженство* и т. д.) наблюдается в сибирских тюркских языках и определяется в их словарных дефинициях.

Монгольское заимствование, бытующее в як.: *дьол* счастье, удача || счастливый, удачливый; *булт дьоло* удача на охоте; *дьол кунэ* счастливый, удачливый день (ЯРС, 1972: 131); тоф.: *чол* [чолу ~чолы] счастье, удача (СТРиРТ, 2005: 118); сойот.: *чол~чол* [чолы~чолы] сущ. счастье, удача, фарт (СБРС, 2003: 140) репрезентирует не только семантику *счастья*, но и *удачи*. В этих языках частотность лексических соответствий *дьол / чол / чол* распространяется на их словообразовательные возможности, например, при присоединении к основе аффикса обладания образуются прилагательные: як.: *дьоллоох* счастливый; тоф.: *чоллуг* счастливый;

сойот.: *чоллыг* счастливый, удачливый. Также, в отличие от исконно тюркских обозначений *счастья* и *удачи* (*ырыс, талаан*), лексема *дьол / чол / чол* может принимать и глаголообразующий аффикс **-ла**: **дьоллон-** «становиться счастливым, достигать удачи; *үлэттэн дьолломмут* он нашёл счастье в труде» (ЯРС, 1972: 131); сойот.: **чолла-** «посчастливиться, подфартить» (СБРС, 2003: 140); более узкое специализированное значение даёт тоф.: **чолла-** «добыть (крупного зверя или соболя)» (СТРиРТ, 2005: 118). А. А. Скрябина в ходе лингвокультурологического анализа якутского концепта *дьол* 'счастье' выделила следующие его составляющие: «1) удача, благо; 2) искренняя удовлетворенность от исполнения желания, чувство довольства и радости; 3) благополучие, блаженство, фортуна; 4) доля; 5) светлое будущее; 6) лучшая участь; 7) мечта» (Скрябина, 2020: 132–133). Следовательно, обширная семантика и сопутствующие словообразовательные возможности доказывают включенность данного концепта в число базовых единиц концептосферы якутского языка.

В концептуальное пространство *счастье* включаются слова, выражающие *благо, добро, благодать, блаженство*, в условиях которого человек переживает удовольствие, наслаждение и радость, что является высшим уровнем счастья. В сибирских тюркских языках (кроме хакасского) полным выразителем этого чувства является *кежик / кәжик / кешик*, заимствованное с монгольского языка: тув.: *кежик* I 'дар, благо; добро, достояние, богатство'. Ср. алт. *кежик* 'дарованный, дар, благодать'; алт. диал., шор. *кәжик* 'дар, благодать; блаженство, счастье, милость' (РСл. II: 1184); кирг. *кешик* 'счастье, довольство'. Монголизм. Ср. п.-монг. *kešig* 'милость, благоволение (неба); благословение; счастье, благополучие; удача'; монг. *хишиг, хешиг* 'счастье, благополучие' (ЭСтувЯ-III, 2004: 134). Исходя из представленности *кежик / кәжик / кешик* в указанных языках, только в тувинском варианте не содержится компонент «счастье», но может восприниматься как таковое: «*кежик* 1) дар, благо; *төрөөн чурттуң чаагай кежиинге ажылдаар* трудиться на благо родины; *кежик четтирер* принимать дар, угощение; *оран кежиин* земные блага; 2) добро, достояние, богатство; *чоннуң кежиин камгалаңар* берегите народное добро» (ТувРС, 1968: 168). С тувинским *кежик* I почти совпадает семантика алтайского лексического соответствия «*кежик* II: 1) дар; *Кудайдын кежиги* дар Божий; 2) благо, благодать, блаженство; *жадын эмес*, — *кежик* не жизнь, а благодать; 3) счастье; ср. *ырыс*; 2. Дарованный; *Кежик бала өштүлөргө өлтүрткен* (АБ) Дарованное дитя было убито врагами» (АРС, 2018: 305). Авторы Этимологического словаря алтайских языков, помимо указанных значений, выделяют ещё значение: «{...}; 2. Часть мяса жертвенных животных, которую раздают людям: Mmong. *Kešig* (SH) 2; Wmong. *Kesig* (L 460); Kh. *Xišig*; Yug. *Xešeg*; Kalm. *Kišəg*; Dag. *Keši* (Тод. Даг. 150); Mongr. *Kəšəg* 1, 2 (SM 199)» (ЭСАЯ, 2003: 674).

В тувинском языке лексема *кежик*, благодаря наличию ассоциативных связей, соответственно, свободному активному употреблению, при присоединении аффикса обладания может вступать в категорию прилагательных (*кежиктиг, кежик-буянный, аас-кежиктиг, кежик-чолдуг* 'счастливый'), становится компонентом сложного слова (*аас-кежик, кежик-чол* 'счастье') и т. д. Когнитивная особенность тувинской лексемы *кежик* заключается в том, что она актуализирует, прежде всего, счастье, полученное бесплатно в результате счастливой случайности, везения, это дар, подарок, подношение и сохраняет мотивационную связь с монгольским *kešig*, который «характеризует удачу человека, получившего неожиданно для себя обильную еду и питьё, средства на безбедное существование» (ЭСтувЯ-I, 2015: 42). Этот дар, подарок может иметь и предметное значение: *Таңды кежиин тоорук, кат дайнамдаа чок, шутту дүшкен* (К. Ондар) — Никаких ягод, орехов, таёжного **добра** нет, все выпало. *Сеең берген кежиинң (хөйлеңиң) кайын адып каар мен* (М. Кенин-Лопсан) — Как же я забуду **добро** (рубашку), которое ты дала. *Магалык (магалыг) кежик боладыр (бо-ла-дыр) деп хоптак сеткил-биле (аңның) тас колдуунче үш улаштыр кавындылаптым* (М. Өлчей-оол) — Вот это великолепная **удача** — сказав так, с ненасытным желанием стрелнул три раза под-

ряд в безшерстную (безволосую) подмышку зверя. *Чолум, кежиим — колхозумда* (С. Тамба) — [Моя] судьба и [моё] **добро** — в [моём] колхозе (ТСТувЯ-II, 2011: 107).¹

Успех / удача — это есть переживание субъектом высшей радости в результате каких-либо достижений, полученных посредством своих усилий и общественное признание этого достижения. Часто сопутствующим успеху аспектом *счастья* является *удача* — благоприятные обстоятельства, способствующие успеху. Эти две ипостаси *счастья* обычно содержатся в одном слове, подтверждением которому является тувинское *чедимче* «1) успех, удача; *чедимче чок* неудачный, безуспешный; 2) достаток» (ТувРС: 368). По свидетельству В. И. Рассадина, тувинская лексема *чедимче* образована от основы тюркского глагола *чит-* / *чет-* «достигать; хватать» и монгольского словообразовательного аффикса *-мче*, что является результатом влияния монгольского языка на морфологию тувинского языка (Рассадин, 1980: 61). В алтайском, шорском и хакасском языках значение «успех, достижение хороших результатов» также передаётся существительными, образованными от основы глагола *чит-* / *жет-* «достигать» и словообразовательного аффикса: хака.: *чидиг* ‘успех; достижение’; алт.: *једимдер* ‘успех’; шор.: *чедии* ‘успех’. Алтайская лексема *једимдер* синонимизируется с *мөр* «удача, успех; Бастыра ок-јаачыларга **мөр** күүнзейли (АЧ) Всем лучникам пожелаем **удачи**; ♦ **Јенип алза — мөри**, јендиртип ийзе — өлүми (Погов.) Если победит — его **удача**, если проиграет — его смерть» (АРС, 2018: 477). Надо сказать, что лексема *мөр* в алтайском языке является наиболее употребительной, о чём свидетельствуют и её словообразовательные мотивации: *мөрлү-* ‘успешный; преуспевающий’; *мөрөй* ‘соревнование; состязание; приз’, а также различные способы глагольного выражения: *мөрөй ал-* ‘выиграть пари, состязание’; *мөрөй алдыр-* ‘проиграть состязание, пари’; *мөрөйлөш-* ‘соревноваться, состязаться’ (АРС, 2015: 91).

Лексема *мөр*, кроме алтайского, употребляется и в хакасском и в киргизском языках в значении «победа в спортивном состязании; удовлетворение победой». Она имеет монгольское происхождение: «**mörüi** *халх. Мөрий, калм. мөрэ* пари, заклад; *бур. мүрысэ-* соревноваться» (ЭСМЯ-II, 2016: 178). Авторы Этимологического словаря монгольских языков происхождения этого слова связывают с **mörün** («← *монг.*) *Халх. Мөр(өн), бур. ал(э), даг. ал (муру)* плечо. ♦ *Ср. маньчж. Meyiren, эвк. Мирэ, ольч. Muipö* плечо (ЭСМЯ-II, 2016: 178). В хакасских фольклорных текстах *мөрий* имеет значение: «1) состязание (в силе, ловкости и меткости); ср. **арға-мөрий**; 2) победа; выигрыш; *кемнің мөрийі полды? кто выиграл?; мөрий — пісти победа наша»* (ХРС, 2006: 256). — *Пістің мөрийі полды, — тіп турадыр, — Чирнің ұстүнде ханнаң улуғ хан піс поларбыс* (А, 111) — Мы победили (букв. наша победа), — говорит, — Мы будем самыми великими ханами на этой земле. В современном хакасском языке *мөрий* используется как сложное слово в сочетании с лексемой *арға* ‘спина’: *арға-мөрий* ‘состязание (в силе и ловкости)’; *арға-мөрийге сығарға* ‘выйти на состязание (о богатырях)’» (ХРС, 2006: 74). Ассоциативная связь этого слова в этих языках, возможно, основана на представлении о традиционном виде спорта у кочевников — *күрес / хуреш* ‘борьба’, где задействованы такие части тела, как плечо и спина. Отметим также, в отличие от алтайского эквивалента *мөр / мөрөй*, семантика которого акцентирована на победном итоге состязания, хакасская цепочка однокоренных слов: *арға-мөрий* ‘состязание’, *мөрийлезерге* ‘состязаться в силе и ловкости’ (кроме *мөрий*) обозначает исключительно процесс состязания без указания конечного результата.

В сибирских тюркских и монгольских языках *счастье* и *успех* настолько семантически близкие и взаимопроникающие концепты, что порой бывает сложно разделить их понимание в контекстном употреблении. Но стоит заметить, что при трансформации понятия *счастья* в *удачу / успех / везение* семантический акцент перемещается от духовного состояния субъекта

¹ Автор выражает искреннюю благодарность к.ф.н. Н. Ч. Серээдар за перевод тувинских примеров на русский язык.

на внешние факторы. При этом содержание метафорических моделей передаёт *счастье* (по сути, *удачу / успех / везение*) не как переживание, а как благоприятное / неблагоприятное событие или стечение обстоятельств. Но в ментальном понимании они, несомненно, разные и самостоятельные концепты. Об этом свидетельствуют также их словарные дефиниции в русских толковых словарях: счастье — это «благоденствие, благополучие, земное блаженство, желанная жизнь без горя, смут, тревог, покой и удовольствие» (ТСЖВЯ-IV, 1980: 371); «чувство и состояние полного, высшего удовлетворения» (СРЯ, 1986: 680). *Удача* или *успех* определяется как «поспешение в чём-то, счастье, талант, желанный случай, исход дела» (ТСЖВЯ-IV, 1980: 471); «нужный или желанный исход дела» (СРЯ, 1986: 717). Как пишет В. А. Цыпанов: «Люди в обыденном плане понимают *счастье* как нечто постоянное, перманентное состояние, в то время как *удачу* как временное, даже моментальное, преходящее явление, бывающее от случая к случаю» (Цыпанов, 2012: 266). Не только в тюркских, но и в других разноструктурных языках, замечены следующие закономерности:

а) лексемы, выражающие *счастье* и *успех / удачу*, являются равносильными синонимами в описании конкретных ситуаций, например, русск.: *Нам сегодня выпало (привалило) счастье = Нам сегодня выпала (привалила) удача*;

б) лексемы, обозначающие *счастье*, могут быть тождественны с понятием *успех* и *удача* в описании преходящих ситуаций, т. е. *счастье* отождествляется с *удачей*, например, алт.: *Така таап алганы — ырыска — Найти подкову — к счастью [к удаче]*.

Следующая лексема с обширной и многослойной структурой и, тоже монгольского происхождения, — это *чыргал* ‘наслаждение’ < монг. *jiryal* ‘счастье, наслаждение’ < монг. *jirya-* ‘наслаждаться’ (Рассадин, 1980: 38); **ĵIRYA2-** [←*jirya- (см. под *jirbe-)] *Халх., бур. жарга-, калм. жирһ-, даг. Джарга-, орд. Джирга-* наслаждаться, блаженствовать, быть счастливым; ложиться почивать, засыпать; закатываться, гаснуть (о небесных светилах); {...} (ЭСМЯ-II, 2016: 78). Процесс изменения лексической семантики данного слова в тюркских языках обусловлен как лингвистическими, так и экстралингвистическими социальными факторами. В тувинском языке рассматриваемая лексема действует в первичном значении: *чыргал* 1) блаженство, благоденствие; 2) счастье (ТувРС, 1968: 396). Эта же лексема в аналогичном значении зафиксирована в киргизском языке: *жыргал* «удовольствие, наслаждение, услада, блаженство, благоденствие; *жамандын жыргалы* — *уйку* (погов. для бедняка (единственное) удовольствие — сон; *жыргал көр-* наслаждаться; *жыргал бер-* доставить удовольствие; *жыргал турмуш* радостная жизнь; \diamond *жыргалым* моя радость (так жена называет умершего мужа, оплакивая его)» (КРС-II, 1985: 283). Подобное соотношение языковых эквивалентов в сибирских тюркских и киргизском языках не случайно, об этом же пишет Н. Н. Широбокова: «Вопрос формирования киргизского языка остаётся не до конца ясным и в настоящее время, но участие в этом процессе народов Саяно-Алтая хорошо прослеживается на языковом материале» (Широбокова, 2015: 243). Данному вопросу посвящены работы многих лингвистов-типологов (Рассадин, 1978; Убрятова, 1985; Широбокова, 2015 и др.).

Также мы наблюдаем смысловые ассоциации восприятия слова *чыргал / чыргал / жыргал / јыргал* носителями отдельных близкородственных языков, которые существенно влияют на семантическую трансформацию слова. В тофаларском языке данное слово приобретает узкое значение, связанное с основной сферой жизнедеятельности тофаларов — охотой. Как известно, удача на охоте является источником обилия пищи в доме. В тофаларском видении мира данная смысловая цепочка *счастья и благоденствия* привела к её более узкому пониманию: тоф.: **чыргағ [чыргӑаа]** «1) обилие пищи (гл. образом мясной); 2) *эвф.* богатая добыча (зверей на мясо)» (ТофРС, 2014: 454). Тофаларский вариант данного слова также отличается от остальных тем, что в своей основе имеет словообразовательный аффикс *-г*, в то время как во всех остальных мы имеем формант *-л*.

Семантическая структура алтайского *јыргал*, хакасского и шорского *чыргал* несколько отличается от рассмотренных их лексических эквивалентов: основанием для производности

и развития новых понятий в этих языках являются радость и ликование, источником которых является, скорее всего, обилие добытой на охоте пищи. Этот внеязыковой фактор, как один из взаимосвязанных моментов бесконечного многообразия реальной действительности, послужил причиной семантических изменений: алт.: *жыргал* «1) веселье, ликование, торжество, гулянье; *жакишы жыргал* хорошее веселье; Мында не жыргал, не ойын? (У. Садыков) — Что за веселье, что за игра здесь?; 2) пир, пиршество; Азыйгы андыш-кырыжын ундып, төрбөнис дежип, жыргал баштаган (С. Суразаков) — Забыв старые распри, говоря, что родственник, устроили пир» (АРС, 2018: 225); шор.: *чыргал* ‘пир, веселье’ (ШРиРШС, 1993: 66); хак.: *чыргал* I «1) удовольствие, наслаждение, блаженство; *чыргал көрерге* испытывать наслаждение, блаженство; веселье, ликование, пир, торжество; *чыргал идерге* устраивать торжество; *чыргалда чуртирга* жить в достатке; 3) угощение; *чыргал саларга* устраивать угощение; *тоозылбастаг той ползын, үзүлбестег чыргал ползын* фольк. пусть нескончаемой будет свадьба, пусть непрерывным будет угощение; 4) *перен.* поминание умершего, поминки, тризна; *чыргалы чаксы полды* угощение на поминках было хорошее; \diamond *хоосха чыргалын чуртирга* жить припеваючи (букв. кошке в наслаждении жить)» (ХРС, 2006: 1024). Из последних семантических преобразований хакасского *чыргал* является обозначение базара, рынка, мотивированное обилием продуктов в данной местности. Общие семантические признаки тофаларского, алтайского, шорского и хакасского лексических эквивалентов «обилие пищи в результате удачной охоты» и «пиршество, гуляние на фоне обилия пищи» наиболее ярко реализуются в семантике алтайского фонетического варианта *жыргаиш* ‘веселье, гуляние, пиршество’; Менин шүүлтемле болзо, жыргаиш, күндүлеш жеткен (У. Садыков) — По моему мнению, пиршества, угощения достаточно (АРС, 2018: 225), а также шорских однокоренных лексемах разных частей речи: *чыргаллыг* ‘весёлый (пир)’ и *чыргат-* ‘угощать’ (ШРиРШС, 1993: 66). Как известно, при заимствовании слова часто трансформируется его семантика и внешняя оболочка. В случае с тофаларским *чыргаг*, алтайским *жыргал / жыргаиш*, хакасском и шорским *чыргал* мы наблюдаем специализированное (узкое) обозначение определённых аспектов *счастья*. Смысловая цепочка данного фелицитарного образования представлена таким образом: удача (на охоте) → радость → ликование → пир (обилие пищи) → угощение → счастье. Тем самым смена содержательных структур межъязыковых соответствий *чыргаг / чыргал / чыргал / жыргал / жыргал* в сибирских тюркских и киргизском языках не нарушает единства концептуального пространства *счастье*. Каждый лексико-семантический вариант (ЛСВ) их семантики представляет собой особую специфическую комбинацию языкового выражения данного концепта.

Многогранный семантический потенциал данной лексической единицы получает более конкретную реализацию и в других грамматических категориях, например, семантика глагольной формы отражает доминантные элементы всего словообразовательного гнезда, алт.: *жырга-* ‘веселиться, ликовать, торжествовать, пировать’ (АРС, 2015: 53); *жыргат-* понуд. от *жырга-* ‘устроить веселье, гуляние, пир’; *улусты жыргадар* ‘устроить гуляние для людей’ (АРС, 2018: 225); тоф.: *чырга* = [чыргаар] ‘наслаждаться обилием пищи, иметь большой запас продуктов (мясной пищи)’; *ол чылын бис чыргаан бис, дөрт аң өлүрген бис* ‘в тот год у нас было много мяса — мы добыли четырех изюбрей’ (ТофРС, 2014: 453); *жырга-* ‘наслаждаться, получать удовольствие, блаженствовать; благоденствовать’ (КРС-I: 283). Однако в хакасском языке глагол *чырга-* [чыргирга] «1) получать удовольствие, наслаждаться довольством, достатком; *чыргап чуртирга* жить в большом достатке; *чыргап одырарга* а) жить имея все в достатке; б) жить припеваючи; 2) угощаться, кормиться; *тогынмин даа чыргирга* не работая, есть сытно (обильно); 3) веселиться, ликовать, торжествовать; *чыргал чыргирга*» (ХРС, 2006: 1024) экспрессивен, с оттенком оценочности и неодобрения, и указывает на материальную обеспеченность, незаслуженное благополучие субъекта. *Иче* — *пабазының мойнында одырып, чыргапча* — Не работая, (букв. сидя на шее у родителей), [он] живёт припеваючи. *Кізі чуртында чыргап, харааң хызарча* — Живя (в благополучии) в чужом доме, с

жиру бесишься (букв. [твои] глаза краснеют). В алтайском же языке его эквивалентный глагол *жырга-* ‘веселиться, ликовать, торжествовать, пировать’ (АРС, 2015: 53) имеет стилистически нейтральное значение: *Јети жылга жыргажып отурдылар* — Семь лет вместе пировали.

Общетюркская лексема *ырыс* является наиболее частотным выражением *счастья* и, используется почти во всех сибирских тюркских языках, кроме тувинского и якутского, например,

шор.: *Иирде абырлан узупчаттыр, Ырыста ырызоқ түжүп-кел* (Г. Косточаков) — Вечерами спокойно засыпает, счастливый, видя сны (букв. видя счастье в счастье). *Чок! Ырызын пирда тилебенча, \ \ Увы! Он счастья не ищет; Ол таштабады — ырызын! \ \ И не от счастья бежит!* (Г. Косточаков);

хак.: *Син — минің ырызымзың* — Ты моё счастье. *Чүректер азах алтындагы чирге истілдіре түкленче. Ырыс арагазына пас изірче* (Чкч, 180) — Сердца колотятся так, как слышны звуки от шагов. От вина **счастья** кружится голова;

алт.: Кижинин ырызы жангыс эмес деп жаандарыс айдыжатан (Д. Маскина) — Старики говорили, что у человека счастье не одно. В отличие от других тюркских языков, широкая словообразовательная мотивированность алтайской лексемы *ырыс* представлена глагольной формой, при прибавлении к основе *ырыс* глаголообразующего аффикса –та: *ырыста-* ‘искать счастья’.

Лексема *ырыс* также действует в ряде других тюркских языков, например, в киргизском, башкирском, татарском, например, каз.: *ырыс* ‘счастье; доля; благополучие’; *ырыс-береке* ‘счастье; удача’; *ырысты* ‘удачливый; счастливый’ (КазРС: 492). Как одно из основных обозначений *счастья*, лексема *ырыс* часто используется в благопожеланиях, например, хак.: *Сирерге ырыс алганчам* — Желаю вам счастья; алт.: *Слерге ырыс күйүнзең турум* — [я] желаю вам счастья и др. Отметим, что подобные благопожелания возникли под влиянием русского языка и далеки от традиционных тюркских благопожеланий. Также русское влияние наблюдается, например, при передаче выражения *к счастью*, которое, по сути, имплицитно подразумевает понятие *удачи*. Данное выражение в сибирских тюркских языках передаётся путём синтаксической схемы «существительное + вспомогательный глагол **пол-** / **бол-** с деепричастным аффиксом *-ып*»: алт. *ырыс болуп*; тув. *аас-кежиш бооп*; хак. *оң полуп* и др. В хакасском языке лексема *оң* ‘удача; везение’ не может употребляться самостоятельно, а только в сочетании с глаголом **пол-** ‘быть’: *оң полды* ‘повезло’, *оң полбады* ‘не повезло’, *оң ползын* ‘пусть повезёт; удачи’: — *И-ик-кааа, оң полды! Алнындабын!* — *махтанча оолах* — И-ик-кааа (межд.), **повезло!** [Я] впереди всех! — хвастает мальчик. — *Чарир, Кодур-оол!* — *тидир*, — *Оң ползын сагаа!* (Хл, 63) — Ладно, Кодур-оол! — говорит. — Удачи тебе! (Пусть повезёт тебе!). Однако в отличие от хакасского **оң пол-** киргизская лексема *оң* представляет богатую семантическую структуру: *оң* {...} 2. Подходящий, соответствующий, удачный, благоприятный, благотворный; положительный; *иш оң* дела хороши; *ишиң оңбу?* Хороши ли твои дела?; *оң болор эле* было бы хорошо (если бы...); *замандын оңуна туш келип* благодаря благоприятному стечению обстоятельств; *жол оңунан!* Предстоит удача! Дело идет на лад! {...} (КРС-II, 1985: 70). Также употребляется и в глагольной форме: *оң-* II 1. Быть удачным, удачливым; наладиться; *колго түшкөн коёнду коё берген оңорбу?* Разве будет толк из того, кто выпускает из рук пойманного зайца?; *асты оңбо!* Чтоб тебе никогда не видать добра {...} (КРС-II, 1985: 70).

В хакасском языке с лексемой *оң* по идентичной схеме с вспомогательным глаголом **пол-** ‘быть’ синонимизируется лексема *талан*: «1) счастье, счастливая доля, судьба; *талан чох* несчастливый; 2) удача, везение; *талан түсті* счастье выпало (повезло); *талан полбады* не повезло; \diamond *мал талан* животное-амулет (именно в нем якобы хранится благополучие скота); *талан тартып* к счастью; *постың талаанын кизее пирбечең* посл. свое счастье не отдают другим; *хорыхнасха талан полысча* погов. бесстрашному счастью помогает» (ХРС, 2006: 579). — *О-о, иди полза, ниске дее хандыра талан полтыр, йа!* (Ка, 76) — О-о, если так, то нам крупно повезло, оказывается! Рассматриваемая лексема с пометой «устарелая» и «народно-

поэтическая» зафиксирована и в толковых словарях русского языка, например, *талан* «счастливая доля, судьба; успех, удача» (БТСРЯ, 2000: 1304). Она также используется в других тюркских языках, например, башк.: *талан* «уст. удача, счастливая доля; *талан прост.*; *таланы бар* ему везёт; *таланһыз булыу* быть невезучим, неудачливым» (БРС, 1996: 580); тат.: *талан* сущ.; редко счастье, удача, везение; *талант ялан-ялан ни талан?* (погов.) что за непрерывная удача? (о сомнительных по происхождению удачах и находках) (ТатРС, 2007: 303); як.: *талан* II удача, счастье, везение (обычно в охоте); *тарбах талан билкэбэ* (всё) решит удачливая рука (говорится, когда что-л. делается на авось) (ЯРС, 1972: 373).

Из-за звукового сходства лексема *талан* обычно идентифицируется как производная от *талант* «природная способность, одаренность». Михаил Александрович Володин *олғаннарнаң тоғынарға Худай пирген таланттың үзгетчи полған тирге чарир* (Хабар, 2018, 2 февраль, с. 15) — У Михаила Александровича Володина был учитель с талантом от Бога работать с детьми. Однако этимологическая история слова *талант*, первоначально обозначающего единицу веса, оказывается весьма интересной. Оно зафиксировано даже в греческом, латинском и древнерусском языках. Видимо, русичи употребляли данное слово в значении «кусочек металла» большого веса. «Позднее *талант* стал обозначать расчетную единицу веса денежного (золотого или серебряного) достоинства» (Романов, 2011: 107). Лексема же *талан* имеет исконно тюркское происхождение: «счастье, удача», «прибыль, находка» «...» Заимст. из тюрк., ср. чагат., тур. *talan* «добыча», казах. *talan* «счастье» (ЭСРЯ-IV, 1986–1987: 14). Предполагаем, что семантико-этимологическая цепочка «добыча → удача → прибыль» может исходить от общетюркской основы *тала-* / *талирга* «грабить, разрушать», что подтверждается наличием в некоторых тюркских языках лексемы в соответствующем значении, напр., кирг.: *талан* (ср. *талан*) «1) грабеж, разграбление; *талаанга түш-* быть разграбленным, ограбленным; *талаанга түшкөн мал* награбленный скот, награбленное имущество; *талан сал-* предать разграблению; *талан-чачын* или *талан-бүлүн* поток и разграбление» (КРС-II, 1985: 196). Эта же лексема присутствует и в монгольском языке: *талан* «грабёж»; *тала талан* «грабежи и убийства» (БАМРС, 2001: 583). В бурятском же языке *талан(г)* обозначает «счастье, удача» (БурРС-II, 2010: 224), а парное сочетание *хуби талан* обозначает «а) счастливая судьба, счастье; б) счастливый случай, удача» (БурРС-II, 2010: 458). Как видим, такая ситуация демонстрирует различные семантические эволюции лексем *талан* и *талант*, которых рациональнее всего рассматривать как разные лексем (омонимы).

Отметим другую особенность репрезентации понятия счастье: отсутствие *счастья* или *удачи*, например, тув.: *аас-кежик чок* «несчастливый»; хак.: *таланы чох / часка чох* «несчастливый»; алт.: *ырыс жок* «несчастный» очень близко сближается с понятием *судьбы*. «Соотнесенность счастья с удачей, судьбой наделяет его такими качествами, как непредсказуемость и предопределенность одновременно» (Унарокова, Унарокова 2012: 245). Тем самым в концептуальное пространство *счастье* втягиваются лексем с обозначением *судьбы*, *доли*, *участи*, например, хак.: *үлүс (-зи)* «1) доля, часть, пай, удел; {...}; 2) доля, наследство, приданное; {...}; 3) судьба; доля; счастье; *үлүс түсті магаа* мне выпало счастье; *үлүзім полтырох* оказывается, и [я] везучий (и мне повезло); {...}; □ *кізінің үлүзі пар ла поладыр* погов. у человека всегда бывает своя доля (удача); *улуғ алыптың үлүзі үс поладыр* погов. у настоящего богатыря бывает три доли; *үлүс позы килчең ниме нимес* погов. счастье само не приходит; *чазаг кізінің үлүзін аттың албас* посл. пешего долю не поймёт конный» (ХРС, 2006: 752). Данная лексема характеризуется наличием тонкой грани между концептуальными классификаторами: *доля*, *часть*, *везение*, *удача*, *судьба*. По подобной же семантико-когнитивной модели данное слово действует в других тюркских языках, например, телеут.: *үлеш* «доля, надел, часть»; кирг.: *үлүш* I. «часть доля, следуемая кому-л.». «Аксиологические пересечения категорий «судьба», «удача», «доля», «счастье», «судьба» в семантической структуре одного

слова *үлүс* обусловлены тесными связями и ментальной значимостью этих понятий в мировидении носителей языка (Чертыкова, 2018: 51).

Кроме рассмотренных здесь лексем, включённых в концептуальное пространство *счастье*, в сибирских тюркских языках имеются ещё лексемы, свойственные для одного конкретного языка, например, в хакасском языке наиболее общим выражением понятия *счастье* является заимствованное с русского языка *часка* «счастье; *часка көрерге* жить счастливо; *часка чох* несчастливый, несчастный» (ХРС, 2006: 952). *Сагысырастары, тогыстары пір. Алнынзар көрістері пірөк. Чох, ол часканы чар полар кізі табылбаадаг* (Т, 5) — [У них] заботы, работа одна. Взгляд в будущее тоже одно. Нет, этого **счастья** никто не сможет разбить. А. А. Скрябина в якутском языке кроме базовой лексемы *дьол* «счастье» приводит ряд синонимичных лексем, расположенных на периферии данного концепта: *соргу, туску, дьолуо, талан, өрөгөй, баарт, айхал, уруй, кэскил, ыра, дьаралык, сарбааһын* (Скрябина, 2020: 132). Метафорические ресурсы всех наименований концепта *счастье* очень богаты, и в силу необходимости придания ему конкретных лингвокультурологических характеристик требуют специального системного исследования.

Заключение

Проведенный в нашем исследовании семантико-когнитивный анализ словарных дефиниций лексем, составляющих концептуальное пространство *счастье* в сибирских тюркских языках, позволяет сделать следующие выводы:

1) содержание концепта *счастье* в сибирских тюркских языках, как и в других разноструктурных языках, представляет собой сложное и многослойное образование, не имеющее чётких границ. В смысловом содержании здесь пересекаются такие ценностные категории как *везение, благополучие, благодать, доля* и др., что также отражается в его семантическом представлении;

2) базовыми выразителями концепта *счастье* в сибирских тюркских языках являются в основном монгольские заимствования: *дьол / чол / чол* (як., тоф., сойот.); *кежик / кэжик / кешик* (тув., алт., шор. + кирг.); *чыргал / чыргал / жыргал / јыргал* (алт., хак., шор., тоф. + кирг.), а также общетюркские лексемы *ырыс* (все сибирские тюркские языки, кроме тувинского и якутского), *талан* и др. Являясь ретрансляторами ценностных культур и мировоззренческих установок сибирских тюркских этносов, данные лексемы позволяют увидеть концептуальную иерархию как синхронии, так и в диахронии;

3) сравнительный анализ способов вербализации лексем, причастных к понятийному содержанию *счастья* даёт возможность выявить её ментальную и национальную специфику и универсальные фрагменты.

4) в нашем исследовании проанализированы базовые лексемы — конкретизаторы, составляющие концепт *счастье*, этнокультурная специфика которых сосредоточена на семантике, связанной с набором житейских ценностных взглядов на природу и сущность счастья.

Список условных сокращений:

алт. — алтайский язык; башк. — башкирский язык; каз. — казахский язык; кирг. — киргизский язык; сойот. — сойотский язык; тат. — татарский язык; тоф. — тофаларский язык; тув. — тувинский язык; хак. — хакасский язык; шор. — шорский язык; як. — якутский язык.

Список библиографических источников:

Бакирова Г. А. Вербализация концепта «счастье» в татарском и английском языках: автореф. ... канд. филол. н. Казань. 2011.

- Зализняк Анна А.** Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира // Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. Сб. ст. М.: Языки славянской культуры. 2005. С. 153–175.
- Каксин А. Д.** Образ человека труда в рассказе Г. Д. Лазарева «Соренг тов» // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 2. С. 245–253.
- Карпова Н. С.** Концепт «счастье» в чувашской лингвокультуре // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2015. № 4. С. 41–45.
- Колесов В. В.** «Судьба» и «счастье» в русской ментальности // Серия «Мыслители». Размышления о философии на перекрёстке второго и третьего тысячелетий: К 75-летию профессора М. А. Корнеева. 2002. Выпуск 11. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество. С. 98–106.
- Колесов В. В.** Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002. 444 с.
- Рассадин В. И.** Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.: Издательство «Наука». 1980. 117 с.
- Рассадин В. И.** Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1978. 288 с.
- Романов Д. А.** Бесталаный // Русская речь. 2011, № 6. С. 103–109.
- Русаков В. Г.** Концепт счастья в романах «Машенька» Набокова и «Вечер у Клэр» Газданова // Газданов и мировая культура. Калининград, 2000. С. 117–134.
- Русакова И. Б.** Концепты «счастье» — «несчастье» в лингвокультурном содержании русских пословиц: автореф. ... канд. филол. н.: 10.02.01 — русский язык. М., 2007. 22 с.
- Соловар В. Н.** Вербализация концепта «счастье, удача» в хантыйском языке (на фоне русского и татарского языков) // Вестник угроведения. 2016. № 3 (26). С. 77–85.
- Скрябина А. А.** Концепт дьол «счастье» — сор «несчастье» в якутской лингвокультуре: дисс. канд. филол. н. Специальность: 10.02.02. — Языки народов Российской Федерации (якутский язык). Якутск. 2020. 160 с.
- Сулейманова Д. Д.** Лексико-семантическое поле с ключевой лексемой «благополучие» в русском, татарском, английском и испанском языках (сегмент «внешние характеристики благополучия») // Вестник ТГГПУ, 2010. № 3 (21). С. 170–174.
- Убрятова Е. И.** Следы древних тюркского, уйгурского и киргизского языков в современных языках Сибири // Историческая грамматика якутского языка: Учебное пособие. Якутск: Изд-во Якутского государственного университета, 1985. С. 22–32.
- Унарокова Р. Б., Унарокова Г. Ш.** Лингвокультурный концепт «насып/счастье» в адыгейском языке // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2012. № 2. С. 244–247.
- Урбанович Г. И.** Генетическая характеристика лексико-семантического поля «судьба, счастье, удача» в русском языке: автореф. ... канд. филол. н. Специальность 10.02.01. — русский язык. М., 2007.
- Ципинова Л. Х.** Образная составляющая концепта «счастье» в русской, английской и кабардинской языковых картинах мира // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2008. № 3. С. 59–64.
- Цыпанов Е. А.** Счастье и удача в финно-угорских языках // Linguistica Uralica. XLVIII. 2012. № 4. С. 265–275.
- Чертыкова М. Д.** Концепт часка «счастье» как отражение фелицитарной парадигмы хакасского мировидения // Языки и фольклор коренных народов Сибири. Научный журнал (Новосибирск). 2018. Выпуск 35. С. 46–56.
- Широбокова Н. Н.** О смене классификационного типа (на материале тюркских языков Сибири) // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 242–250.

Список лексикографических источников:

- АРС — Алтайско-русский словарь. Редколлегия: канд. филол. наук А. Э. Чумакаев (отв. ред.), канд. ист. наук Н. В. Екеев, канд. филол. наук А. Н. Майзина, К. К. Пиянтинова, Н. Н. Тыдыкова, канд. филол. наук Е. В. Тюттешева; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». Горно-Алтайск, 2018. 936 с.
- АРС-Балакина — Балакина О. Н., Дедеева В. С. Алтайско-русский словарь = Алтай — орус сӧзлик. Горно-Алтайск: РОО «Лепта». 168 с.
- БАМРС — Большой академический монгольско-русский словарь в четырех томах. Под общ. ред. ак. АН Монголии А. Лувсандэндэва и доктора филол. наук, проф. Ц. Цэдэндамба. Отв. ред. доктор филол. наук, проф. Г. Ц. Пюрбеев. Ок. 70000 слов. М.: ACADEMIA. 2001. 2007 с.
- БРС — Башкирско-русский словарь: 32000 слов / Российская академия наук. Уфимский научный центр. Академия наук Республики Башкортостан; под ред. З. Г. Ураксина. М.: Дигора, Рус.яз., 1996. 884 с.

- БТСРЯ — Большой толковый словарь русского языка. Автор и руководитель проекта и главный редактор С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт. 2000. 1536 с.
- БурРС-I — Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. В двух томах. Т. I. А–Н. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография». 2010. 636 с.
- БурРС-II — Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. В двух томах. Т. II. О–Я. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография». 2010. 708 с.
- КазРС — Бектаев Калдыбай. Казахско-русский словарь. Электронный ресурс: <https://altaica.ru/LIBRARY/turks/Бектаев>
- КРС-II — Киргизско-русский словарь. В двух книгах около 40 тысяч слов. Составил профессор К. К. Юдахин. 2 книга: Л–Я. Фрунзе: Главная редакция Киргизской советской энциклопедии. 1985. 480 с.
- РТС — Русско-тувинский словарь: 32000 слов / М. Д. Биче-оол, А. К. Делгер-оол, А. Ч. Кунаа и др. Под ред. Д. А. Монгуша. Абакан: ООО «Кооператив «Журналист». 2015. 664 с.
- СБРС — Рассадин В. И. Сойотско-бурятско-русский словарь. Отв. ред. И. Д. Бураев. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография». 2003. 180 с.
- СРЯ — Ожегов С. И. Словарь русского языка: около 57 000 слов. Издание 18, стереотипное. Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. М.: «Русский язык». 1986. 797 с.
- СТРИРТ — Рассадин В. И. Словарь тофаларско-русский и русско-тофаларский: учебное пособие для учащихся средних школ. СПб.: «Издательство «Дрофа» Санкт-Петербург». 2005. 295 с.
- ТатРС — Татарско-русский словарь: в 2 т. Т.2 (М–Я). Казань: Магариф, 2007. 726 с.
- ТофРС — Рассадин В. И. Тофаларско-русский словарь: свыше 16 000 слов. Элиста: Калмыцкий государственный университет. 2014. 532 с.
- ТСТувЯ-II — Толковый словарь тувинского языка / Под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2011. 798 с. (Т. II: К–С).
- ТСЖВЯ-IV — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 томах. Том IV. М.: Издательство «Русский язык». 1980. 683 с.
- ТувРС — Тувинско-русский словарь: около 22000 слов. Ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. 648 с.
- ХРС — Хакасско-русский словарь. Авторы: О. П. Анжиганова, Н. А. Баскаков, М. И. Боргояков, А. И. Инкижекова-Грекул, Д. Ф. Патачакова, О. В. Субракова, П. Е. Белоглазов, З. Е. Каскаракова, А. С. Кызласов, Р. Д. Сунчугашев, М. Д. Чертыкова. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
- ЭСАЯ — Старостин С. А., Дыбо А. В., Мудрак О. А. Этимологический словарь алтайских языков (Etymological dictionary of the Altaic languages). Лейден. 2003. 1533 с. Электронный ресурс: http://s155239215.onlinehome.us/turkic/40_Language/StarostinEtymologicalDictionaryOfAltaicTitlePageRu.htm
- ЭСМЯ-II — Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. / Институт востоковедения РАН. Гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. М.: ИВ РАН, 2016. Том II: G–P. 2016. 232 с.
- ЭСРЯ-III — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. III. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е издание, стереотипное. М.: Прогресс, 1971. 827 с.
- ЭСРЯ-IV — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перев. с нем. яз. О. Н. Трубачева, с дополнениями. Под ред. и с предисловием проф. Б. А. Ларина. М.: Прогресс. Второе издание. 1986–1987. Т. IV. 576 с.
- ЭСТувЯ-I — Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Абакан: ООО «Кооператив «Журналист». 2015. 400 с. (Т. I: А–Б), 2-е издание, дополненное.
- ЭСТувЯ-III — Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Том III: К–Л. Отв. ред. Д. А. Монгуш. Новосибирск: «Наука». 2004. 440 с.
- ШРиРШ — Курпешко-Таннагашева Н. Н., Апонькин Ф. Я. Шорско-русский и русско-шорский словарь. Кемерово: Кемеровское книжное издательство. 149 с.
- ЯРС — Якутско-русский словарь. 25 300 слов. Под ред. П. А. Слепцова. М.: Изд-во «Советская энциклопедия». 1972. 568 с.

Чертыкова Мария Дмитриевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник.

**Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии
Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова.**

Пр. Ленина, д. 94, г. Абакан, Республика Хакасия, 655017.

E-mail: chertikova@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 13 декабря 2021 г.

M. D. Chertykova

CONCEPTUAL SPACE HAPPINESS IN TURKIC LANGUAGES OF SIBERIA

The article is devoted to the identification and semantic-cognitive description of basic lexemes in the Turkic languages of Siberia, included in the conceptual space of happiness. The selected framework for considering the object of research, referred to as a conceptual space, we understand as a set (or conceptual content) of a set of interrelated linguistic and cultural entities, which represent a certain integrity in the conceptual sphere of the language and, in particular, in the consciousness of the linguistic personality. The material for the article was the data of bilingual dictionaries of the studied languages, as conceptual components of the conceptual space of happiness. It was revealed that most of the lexemes we have considered, representing the concept of happiness, are of Mongolian origin: *yak*: *дьол* / *tof* .: *чол* / *soyot* .: *чол*; *tuv* .: *кежик*, *аас-кежик* / *alt* .: *кэжик* / *shor* .: *кешик*; *hak* .: *чыргал* / *tof* .: *чыргал* / *kirg* .: *жыргал* / *alt* .: *жыргал* etc. Significant aspects of happiness are success / luck / *luck*, also expressed in Mongolian borrowings: *alt* .: *мөп* / *hak* .: *мөрий*; well-being, pleasure: *tuv*. *чыргал* / *hak* .: *чыргал*. *Shor*, *Tofalar* and *Altai* equivalents of this lexeme show a semantic change towards the concepts of “abundance of food”, “fun”, “feast”, “treat”. Interlanguage equivalents of vocabulary are analyzed from the point of view of the etymological transformation of semantics and their universal and distinctive fragments are revealed. Often the absence of happiness or good luck (*tuv*.: *аас-кежик чок* “unhappy”; *hack*: *талаан чох* / *часка чох* “unhappy”; *alt* .: *ырыс жок* “unhappy”) is very close to the concept of fate (fate, share). The conceptual space of happiness in the Siberian Turkic languages, as well as in other languages of different structures, is a complex and multi-layered formation that has no clear boundaries.

Keywords: *siberian turkic languages, mongolian borrowing, dictionary definition, happiness, conceptual space, lexeme.*

References:

- Bakirova G. A.** Verbalizatsiya koncepta «schast'e» v tatarskom i anglijskom yazykah: avtoref. ... kand. filol. n. Kazan'. 2011.
- Chertykova M. D.** Koncept chaska «schast'e» kak otrazhenie felicitarnoj paradigmy hakasskogo mirovideniya // Yazyki i fol'klor korenyh narodov Sibiri. Nauchnyj zhurnal (Novosibirsk). 2018. Vypusk 35. S. 46–56.
- Cipinova L. H.** Obraznaya sostavlyayushchaya koncepta «schast'e» v russoj, anglijskoj i kabardinskoj yazykovyh kartinah mira // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie. 2008. № 3. S. 59–64.
- Cypanov E. A.** Schast'e i udacha v finno-ugorskih yazykah // Linguistica Uralica. XLVIII. 2012. № 4. S. 265–275.
- Kaksin A. D.** Obraz cheloveka truda v rasskaze G.D.Lazareva «Soreng tov» // Vestnik ugrovedeniya. 2020. T.10. № 2. S. 245–253.
- Karpova N. S.** Koncept «schast'e» v chuvashskoj lingvokul'ture // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. 2015. № 4. S. 41–45.
- Kolesov V. V.** «Sud'ba» i «schast'e» v russoj mental'nosti // Seriya «Mysliteli». Razmyshleniya o filosofii na perekryostke vtorogo i tret'ego tysyacheletij: K 75-letiyu professora M.A.Korneeva. 2002. Vypusk 11. SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo. S. 98–106.
- Kolesov V. V.** Filosofiya russkogo slova. SPb.: YUNA, 2002. 444 s.
- Rassadin V. I.** Mongolo-buryatskie zaimstvovaniya v sibirskih tyurkskih yazykah. M.: Izdatel'stvo «Nauka». 1980. 117 s.
- Rassadin V. I.** Morfologiya tofalarskogo yazyka v sravnitel'nom osveshchenii. M.: Nauka, 1978. 288s.
- Romanov D. A.** Bestalannyj // Russkaya rech'. 2011, № 6. S. 103–109.
- Rusakov V. G.** Koncept schast'ya v romanah «Mashen'ka» Nabokova i «Vecher u Kler» Gazdanova // Gazdanov i mirovaya kul'tura. Kaliningrad, 2000. S. 117–134.
- Rusakova I. B.** Koncepty «schast'e» — «neschast'e» v lingvokul'turnom sodержanii russkih poslovic: avtoref. ... kand. filol. n.: 10.02.01 — Russkij yazyk. M., 2007. 22 s.
- Shirobokova N. N.** O smene klassifikacionnogo tipa (na materiale tyurkskih. yazykov Sibiri) // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2015. № 4. S. 242–250.

- Skryabina A. A.** Koncept d'ol «schast'e» — sor «neschast'e» v yakutskoj lingvokul'ture: diss. kand. filol. n. Special'nost': 10.02.02. Yazyki narodov Rossijskoj Federacii (yakutskij yazyk). Yakutsk. 2020. 160 s.
- Solovar V. N.** Verbalizacija koncepta «schast'e, udacha» v hantyjskom yazyke (na fone russkogo i tatarskogo yazykov) // Vestnik ugrovedeniya. 2016. № 3 (26). S. 77–85.
- Sulejmanova D. D.** Leksiko-semanticheskoe pole s klyuchevoj leksej «blagosostoyanie» v russkom, tatarskom, anglijskom i ispanskom yazykah (segment «vneshnie harakteristiki blagosostoyaniya») // Vestnik TGGPU, 2010. № 3 (21). S. 170–174.
- Ubryatova E. I.** Sledy drevnih tyurkskogo, ujugurskogo i kirgizskogo yazykov v sovremennyh yazykah Sibiri // Istoricheskaya grammatika yakutskogo yazyka: Uchebnoe posobie. Yakutsk: Izd-vo Yakutskogo gosudarstvennogo universiteta, 1985. S. 22–32.
- Unarokova R. B., Unarokova G. Sh.** Lingvokul'turnyj koncept «nasy/schast'e» v adygejskom yazyke // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie. 2012. № 2. S. 244–247.
- Urbanovich G. I.** Geneticheskaya harakteristika leksiko-semanticheskogo polya «sud'ba, schast'e, udacha» v russkom yazyke: avtoref. ... kand. filol. n. Special'nost' 10.02.01. — Russkij yazyk. M., 2007.
- Zaliznyak A. A.** Schast'e i naslazhdenie v russkoj yazykovej kartine mira // Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. Klyucheve idej russkoj yazykovej kartiny mira. Sb. st. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury. 2005. S. 153–175.

Chertykova Maria Dmitrievna, doctor of science (philology), senior research fellow.

**Institute of Humanitarian Researches and Sayan-Altai Turkology
of Katanov Khakass State University.**

94 Lenina ave., Abakan, Russia, 655017.

E-mail: chertikova@yandex.ru